

К вопросу о будущей науке «семиософия» (в продолжение разговора с Ю.А. Сорокиным)

© доктор филологических наук В.В. Красных, 2010

Ю.А. Сорокин относился к той не слишком часто – увы! – встречающейся породе исследователей, которые позволяют себе роскошь «вступать в зону риска <...>, который можно было бы квалифицировать как интеллектуальный идиориск / эгориск» [Сорокин 2008: 3]. Это было его кредо и его призвание. И на этом пути воина-философа Юрий Александрович благодаря своему предвидческому дару зачастую высказывал идеи, вызывавшие и вызывающие до сих пор либо однозначное приятие и полную поддержку (иногда молчаливую, поскольку требуют остановиться и подумать в тишине, наедине с самим собой), либо недоуменное пожимание плечами, либо полное неприятие. Последнее, впрочем, не удивительно, поскольку Юрий Александрович далеко не всегда писал и говорил простыми словами, часто не довольствуясь тем готовым, что может предложить ему язык, и изобретая новые образования, наиболее точно выражающие его мысли. За этим слово-творением, кстати, проглядывало мудрое лицо Глеба Арсеньева. В любом случае многие умозаключения Ю.А. Сорокина заставляют по-другому взглянуть на то, что нас окружает, и всерьез задуматься, ибо открывают безбрежные горизонты многомерного мира человеческого духа и мысли (как минимум его – мира – глубину, широту и высоту), поскольку Юрий Александрович понимал, пред-чувствовал, пред-видел то, что со временем становилось очевидным для многих.

В этой статье я остановлюсь на некоторых фундаментальных идеях Ю.А. Сорокина, которые он высказывал в связи с перспективами и возможными путями развития психолингвистики – науки, которой он занимался всю свою жизнь.

Итак, предоставлю слово самому Юрию Александровичу Сорокину и процитирую программный, как мне думается, первый параграф – «Психолингвистика в третьем тысячелетии» – Раздела I книги «Неканоническая русистика» [Сорокин 2008].

«1. На мой взгляд, в будущем появится еще одно (наряду с этнопсихолингвистикой) ответвление психолингвистики, а именно с е м и о п с и х о л и н г в и с т и к а, в рамках которой станут изучать восприятие и понимание коммуникатов, относящихся к вторичным знаковым системам, а также строить и уточнять не только модели речевой перцепции и речепорождения, но и модели восприятия и производства с е м и о л е к т о в. Будет также решен и вопрос о зеркальности или незер-

кальности этих моделей и о локусе их паралингвистических (кинесико-проксемических) и фоносемантических фрагментов (детально описанных и экспериментально подтвержденных). <...>

3. Наряду с интенсификацией экспериментальных усилий, опирающихся на логически строгие (рациональные) постулаты, допущения и теории, следует ожидать интенсификации исследований, опирающихся на интуитивные (метафорические) постулаты, допущения и теории. Иными словами, следует ожидать появления и формирования семиософии и как ее части – культурософии <...>, а в их рамках появления и формирование этнопсихолингвистической и семиопсихолингвической драматургии и герменевтики.

4. В свою очередь, именно эти две субдисциплины окажутся, вероятно, самыми важными для этнической конфликтологии и контактологии <...>.

5. Будущие исследования будут смещаться от изучения физического и социального пространства микро- и макрогрупп к изучению физического и социального эгопространства и отношений между ними» [Сорокин 2008: 4-5].

Можно, вероятно, предположить (у самого Ю.А. уже, увы, не спросишь, так ли это), что семиопсихолингвистика непременно должна будет подойти – помимо всего прочего в широчайшем спектре заявленных исследовательских задач – к рассмотрению той проблематики, которая сегодня находится в центре внимания не только этнопсихолингвистики (о чем упоминал Ю.А. Сорокин), но и лингвокультурологии. На пересечении интересов этих наук может сложиться и, пожалуй, уже складывается новая интегративная дисциплина, основным объектом которой выступает Человек Говорящий (Homo Loquens), рассматриваемый и изучаемый, во-первых, во всей совокупности своих проявлений: как носитель сознания, носитель языка, представитель культуры и лингвокультуры, участник коммуникации, творящий и разгадывающий смыслы, созидающий и читающий их, их кодирующий и декодирующий; во-вторых, во всех своих ипостасях:

- а) как личность языковая, речевая и коммуникативная;
- б) как человек разумный (представитель рода человеческого – Homo sapiens) и человек культурный / символический (Homo litteratus / symbolicus);
- в) как уникальная личность со своими собственными, неповторимыми чертами и как представитель своего сообщества (своих сообществ), обладающий типичными, устойчивыми и специфическими чертами, которые характерны для всех и каждого из

членов такового и которые воспроизводятся человеком и в человеке;

- г) как творец мира, в котором он живет, материального и духовного, и как творение такового; как субъект языка, культуры, лингвокультуры, коммуникации и как объект таковых (вспомним в связи с этим, в частности, идею Гумбольдта о том, что человек не только сплетает язык внутри себя, но и вплетает себя в язык, при этом язык есть дух народа, и дух народа есть его язык);
- д) как личность, формирующаяся, живущая, выражающая и реализующая себя на перекрестке миров: вербального и невербального, мира слов и мира «за-словных», «вне-словных» образов (визуальных, аудиальных и проч.).

Думается, что при формулировании теоретических оснований такой новой дисциплины следует учитывать в том числе и ряд положений, которые уже частично разработаны и на которые сегодня опирается ряд исследователей, работающих в разных направлениях современной науки. В данном случае я позволю себе остановиться лишь на нескольких понятиях и положениях, которые частично восходят к некоторым постулатам этнопсихолингвистики и лингвокультурологии.

При всем том, что каждый из нас уникален и неповторим, каждый из нас в то же время является (ибо не может не быть, что сегодня уже не требует доказательств) представителем того сообщества (сообществ), которое является родным, т. е. в котором человек социализовался (стал личностью, полноправным членом общества). И раз так, то, несмотря на всю, казалось бы, «свободу», «непредсказуемость» и проч. конкретных действий конкретного человека-личности, несомненно, существуют *культурная детерминированность речевой деятельности, языкового сознания, коммуникативного поведения* (об этом писал еще А.А. Леонтьев) и *культурная маркированность проявлений жизнедеятельности человека говорящего, включая его коммуникативное поведение*. Применительно к условиям России как таковой (не отдельных ее субъектов, а на уровне нации, понимаемой как воображаемое сообщество, по Б. Андерсону [Андерсон ЭР]) следует, по всей видимости, говорить о «национально-культурной» детерминированности и маркированности. Однако, поскольку речь в данном случае идет все-таки о более общих вещах, представляется более корректным не уточнять в предложенной формулировке, о культуре какого «масштаба», «охвата» и проч.: на уровне племени, этноса, нации и т. д. – идет речь.

Соответственно, чтобы осуществлять какую бы то ни было деятельность (а это в любом случае будет совместная деятельность, что подчеркивал еще А.Н. Леонтьев), человек-личность должен вступать в коммуникацию с себе подобными. Чтобы коммуникация состоялась,

чтобы она была успешной и адекватной (в идеале – с точки зрения всех коммуникантов), чтобы цель ее была достигнута (т. е. произошло желаемое и планируемое изменение состояния сознания партнеров по коммуникации), у человека говорящего обязательно должна наличествовать культурно-языковая компетенция (о ее необходимости неоднократно писала В.Н. Телия, см., напр., [Телия 1996]). Разумеется, мы легко можем представить себе ситуацию, когда необходимым и достаточным будет наличие только языковой, речевой или коммуникативной компетенции, более того, мы можем вообразить ситуацию, когда можно обойтись только последней (напр., Вы находитесь в незнакомой стране, языка которой Вы не знаете, но Вам обязательно нужно найти ресторан или вокзал; думаю, что в принципе это не такая уж неразрешимая задача). Но все-таки такого рода случаи общения являются скорее маргинальными, нежели повседневно-привычными, скорее исключением, нежели нормой. И это значит, что человек-личность должен уметь кодировать в знаках языка и декодировать культурноносные смыслы, уметь видеть за знаками языка единицы языка культуры и лингвокультуры (последняя понимается как культура оязыковленная, воплощенная и закрепленная в знаках языка; подробнее см., напр., [Красных 2006, 2008]). Применительно к новой науке «язык», вероятно, следует трактовать расширительно, включая различные семиотические системы, используемые человеком в коммуникации: мимика, жесты, позы, визуальные и проч. образы и т. д.

Представленное только что размышление самым непосредственным образом связано с утверждением, которое сегодня уже вряд ли вызывает серьезные возражения: человек говорящий предстает одновременно как субъект сознания, языка, культуры, лингвокультуры и коммуникации. При этом человек говорящий является не только их субъектом, но и объектом, т. е. не только их творцом, но и творением.

Вероятно, новая наука будет иметь дело (возможно, в качестве своих частных предметов) с единицами разных семиотических систем, в том числе и таких крупных, как, к примеру, язык и культура как таковые. Следовательно, крайне важным представляется постоянно учитывать тот факт, что единицы сознания и мышления, единицы (естественного) языка, единицы лингвокультуры и единицы языка культуры при принципиальной их неслиянности определенным образом соотносятся между собой.

Имея в виду, что новая наука не откажется от принципа синхронизма, можно предположить, что не менее важным для нее окажется и принцип исторического шкалирования по синхронным срезам, понимаемым как эпохи смены культурно значимых ориентиров (об этом см. [Телия 1996]). Следовательно, возникает «крест реальности» как неко-

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Под ред. Н.В. Уфимцевой, В.В. Красных, А.И. Изотова. – М.: МАКС Пресс, 2010. – Вып. 40. – 156 с. ISBN 978-5-317-03524-2

торая система координат: на вертикаль «исторической», «культурной» памяти накладываются образующие горизонталь синхронные срезы-шкалы.

Конечно же, в рамках короткой статьи не представляется возможным сколько-нибудь подробно представить и изложить многочисленные мысли, порожденные стимулирующее-провокационными (в лучшем смысле!) идеями Ю.А. Сорокина. И если Юрий Александрович прав, а он прав, для меня это очевидно, то новая научная дисциплина, названная Ю.А. Сорокиным семиософией, призвана занять свое весьма достойное место среди современных наук. Но она еще только рождается, и все мы находимся еще только в самом начале пути.

Л и т е р а т у р а

1. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. Электронный ресурс.
2. *Красных В.В.* Система координат лингвокультуры сквозь призму Homo Loquens // Язык. Сознание. Культура. Тематический сборник. М., 2006. С. 61-69.
3. *Красных В.В.* Грамматика лингвокультуры: система координат, система таксонов, система ментефактов // Русский язык и культура в формировании единого социокультурного пространства России. СПб, 2008. С. 333-344.
4. *Сорокин Ю.А.* Неканоническая русистика: (Статьи, заметки, реплики). / Отв. редактор д.ф.н. А.П. Юдакин. М.: Ариадна, 2008. 172 с. (Российская Академия Наук. Институт языкознания).
5. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. Часть III. Культурно-языковая специфика единиц фразеологического состава языка. С. 214-269.